

Михаил Кузмин. Кирикова лодка

Книга: "Морские были"

Составление, предисловие и примечания Л.Асанова

Издательство "Правда", Москва, 1990

Иллюстрации В.Григорьева

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 14 мая 2002 года

Всякий знает, как портовые жители сначала замечают словно кремневый огонь с далеко стоящих судов и потом уже через полминуты до их слуха дойдет тупой выстрел. Так и подлинным вестям о великой войне предшествовали предзнаменования, видения, слухи и пророчества в том далеком на севере селе, среди печальных болот, где непрерывный шум моря наводит такую тоску, что начинаешь думать, что слово "поморье" происходит не от "моря", а от глагола "помирать". Отъехать верст на сорок от берега, где твердая совсем уже земля и кое-какой лес, не слышно, не видно моря, - все-таки легче, а здесь белесоватый залив, будто упавший откуда-то глаз с бельмом, белое небо в тумане, где только мартины доказывают, что это еще не последняя белизна, сонное солнце, сонный плеск серебряной рыбы, - будто на пришельца, смотря на человека, и вся бескрайность словно лениво ждет, когда же будут белые ночи или покроется все снегом.

Как бы сохраняя тот инстинкт, даже не животных, а насекомых, заставляющий их окрашиваться в цвет окружающей их части природы, и люди, шедшие по узкой тропинке, были одеты в белый некрашенный холст, их волосы были белы почти до седины и голубые глаза словно вылиняли от тумана. Пар поднимался за каждым их шагом от вдавливаемого мха, будто они шли по пожарищу. Шло трое, остановились около самого берега, где ждала незаметная лодка; затем остались две фигуры, а молочную воду разрезал густой желтоватый след. Женщины пошли обратно по едва заметным следам, будто прямо болотом; одна из них обернулась еще раз на море, где в полосе, осеребренной солнцем, качалась лодка. Затем, запахнув белый кафтан, догнала старшую, путаясь в стеблях моршки.

- Насмотрелась?

- Нет, не насмотрелась.

- Дура ты, Ульяна, как посмотрю на тебя!

- Какая есть.

- Да ты с кем говоришь-то: с матерью или нет?

- Хоть бы и с матерью.

- Так разве с матерью так говорят?

- А то как же еще? говорю по-русски.

- Вот погоди, сестре Киликее скажу, она тебе покажет так отвечать. Лестовкой-то отхлещет!

- Сестра Киликея, хоть и осерчает, а хлестать меня не будет.

- Нет, будет.

- С какой стати? Я у нее не под началом еще. Да если бы и была, что же я сделала? Кирика провожала, так что тут худого? все знают, что в Покров он меня возьмет за себя.

- Вешайся ему больше на шею, так и спятится.

- Кирик не спятится, не такой он человек.

- Какой же он такой особенный? как и все: костяной да кожаный.

- Пускай кожаный, все равно не спятится.

- Да ты не потеряла ли уж себя, Ульяна?

- Нет.

- То-то.

- А если бы и потеряла, кому какое дело?

- Да что ты: белены объелась? совсем от рук отбилась, будто у нее ни отца, ни матери нет!

Ульяна, действительно, имела и мать, которая шла вместе с нею к раскиданному селу, и отца, известного в окрестности, как местного богатея и содержателя тайного скита. Тайным скит был когда-то, лет шестьдесят тому назад, теперь же ни для кого не было секретом, что в шести-семи избах одного из гнезд, составлявших село, жило с дюжину старух и девушек, занятых рукодельем, молением и хозяйством. Действительным было и то, что Ульяна слишком любила Кирика и не считала нужным скрывать этого, но, конечно, она